

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ФЕФИЛОВ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 6587/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

17 июля 2018 года

**Вступило в силу
3 декабря 2018 г.**

*Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном
пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной
правке.*

По делу «Фефилов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой в составе:

Хелена Йедерблом, *Председатель*,

Бранко Лубарда,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алина Полачкова,

Йолин Схёккинг,

Мария Элосеги, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 26 июня 2018 года заседание за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 6587/07) против Российской Федерации, поданной в Суд 12 декабря 2006 года согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Фефилова Сергея Игоревича (далее — «заявитель»).

2. Интересы заявителя, которому была предоставлена правовая помощь, представлял адвокат В. Шухардин, практикующий в городе Москве. Интересы властей Российской Федерации (далее — «власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а затем его преемник М. Гальперин.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что во время отбывания наказания в Лечебно-исправительном учреждении № 19 (далее — «ЛИУ-19») в Республике Мордовия его подвергли риску заражения ВИЧ-инфекцией и что он был осужден на основании признательных показаний, данных 22 марта 2005 в отсутствие законного представителя.

4. Указанные выше жалобы были коммуницированы властям 6 декабря 2010 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. До осуждения заявитель, 1979 года рождения, проживал в городе Ижевске.

6. По словам заявителя, 18 февраля 2005 года полиция провела в его квартире обыск в связи с убийством сотрудника правоохранительных органов в ночь с 7 на 8 февраля 2005 года.

7. 3 и 10 марта 2005 года заявитель в присутствии своего адвоката был допрошен полицией в связи с обстоятельствами расследуемого убийства. Никаких подозрений в отношении заявителя озвучено не было.

8. 22 марта 2005 г. в 18:00 заявителя задержали на одной из улиц Ижевска и доставили в Устиновский РОВД города Ижевска. Здесь его предположительно избили, заставили признаться в совершении убийства и зафиксировали его явку с повинной.

9. Согласно ей, 22 марта 2005 года в 21:50 заявитель, находясь в кабинете № 312 РОВД города Ижевска дал сотруднику полиции М. признательные показания в совершении преступления в соответствии со статьей 142 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В протоколе, в частности, говорится, что в начале февраля 2005 года заявитель после работы распивал алкогольные напитки в компании некоего гражданина С. В не установленное время после полуночи заявитель ушел из квартиры гражданина С. По дороге домой он зашел в ближайший дом, чтобы справить малую нужду. Внутри он увидел мужчину, который в грубой форме сделал ему замечание по поводу его поведения. Мужчина тоже был в состоянии алкогольного опьянения. Началась драка, в ходе которой заявитель несколько раз ударил мужчину ручкой ножа по голове, толкнул его и нанес удары ногами. Мужчина упал с лестницы. Когда заявитель уходил, мужчина все еще лежал на полу. Далее в протоколе говорится, что заявитель дал признательные показания по собственной воле без какого-либо принуждения со стороны сотрудников полиции, и что ему разъяснили и он понял положения статьи 51 Конституции (право не свидетельствовать против самого себя),

10. Впоследствии заявитель написал аналогичное признание на имя прокурора Республики Удмуртии.

11. 23 марта 2005 года в 00:05 был составлен протокол задержания заявителя. Он был официально признан подозреваемым по уголовному делу и ему разъяснили его права, в том числе право хранить молчание, право на адвоката и право не свидетельствовать против самого себя. В протоколе заявитель собственной рукой написал, что согласен с задержанием в связи с совершением им 8 февраля 2005 года убийства.

Далее в протоколе содержится заявление заявителя о предоставлении ему доступа к адвокату.

12. Позднее в тот же день (23 марта 2005 года) заявителю был назначен бесплатный адвокат, а сам заявитель был допрошен в качестве подозреваемого. В ходе допроса заявитель отказался от своих признательных показаний, заявив, что они были сделаны им под принуждением и в отсутствие адвоката. На протяжении всего последующего производства он продолжал отказываться от своих признательных показаний.

13. 23 марта 2005 года было проведено судебно-медицинское обследование заявителя, по результатам которого никаких телесных повреждений, за исключением шрама двух- или трехмесячной давности возле кромки волос, у него обнаружено не было (заключение судебно-медицинской экспертизы № 2672).

14. 27 марта 2005 года в отношении заявителя была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу и его перевели в следственный изолятор города Ижевска СИЗО-1.

15. 29 марта 2005 года заявителю было предъявлено обвинение в убийстве.

16. 22 апреля 2005 года заявитель обратился с жалобой на жестокое обращение в Прокуратуру Устиновского района города Ижевска.

17. 27 мая 2005 года следователь Прокуратуры Устиновского района вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции по заявлению о жестоком обращении с заявителем.

18. 25 июля 2005 года уголовное дело в отношении заявителя было передано в Верховный Суд Республики Удмуртия.

19. 22 августа 2005 года началось судебное разбирательство по делу заявителя.

20. В суде заявитель отрицал совершение убийства и подтвердил дачу признательных показаний под давлением сотрудников полиции в отсутствие адвоката.

21. 19 декабря 2005 года Верховный Суд Республики Удмуртии признал заявителя виновным в убийстве и приговорил его к 12 годам лишения свободы. Приговор суда был основан на следующих доказательствах:

- Показания сотрудника полиции М., участвовавшего в расследовании. Он заявил, что (i) В ходе расследования было установлено, что убийство было совершено заявителем; (ii) Заявитель был задержан и доставлен в РОВД города Ижевска, где добровольно признался в убийстве гражданина Г. и написал заявление о явке с повинной с подробным описанием совершенного преступления. Насилие к заявителю не применялось.

- Показания сотрудника полиции Н., участвовавшего в расследовании убийства. Он заявил, что (i) В ходе расследования было установлено, что убийство было совершено заявителем; (ii) В марте 2005 года заявитель был доставлен в РОВД, где признался в совершении убийства; (iii) Заявитель написал заявление о явке с повинной, в которой подробно описал обстоятельства совершения им убийства.

- Показания сотрудника полиции О. Он заявил, что (i) 8 февраля 2005 г. принимал участие в осмотре места убийства гражданина Г.; (ii) Была установлена причастность заявителя к преступлению; (iii) В марте 2005 года заявитель был доставлен в РОВД города Ижевска, где признался в совершении убийства (признание было зафиксировано в явке с повинной); (iv) Насилие к заявителю не применялось.

- Показания сотрудника полиции С., принимавшего участие в осмотре места преступления 8 февраля 2005 года. Он заявил, что (i) В ходе осмотра была установлена возможная причастность к преступлению человека по прозвищу «Гуня» [заявитель]; (ii) Полиция задержала заявителя; (iii) 22 марта 2005 года около 21:00 заявитель был допрошен сотрудниками М., О., П. и самим С.; (iv) Во время допроса заявитель признался в совершении убийства; (v) Насилие к заявителю не применялось.

- Показания сотрудника полиции Нам. По его словам от сотрудника полиции М. он узнал, что заявитель признался в убийстве гражданина Г.;

Все показания выше подтверждаются явкой заявителя с повинной от 22 марта 2005 года и показаниями не причастных к полиции свидетелей по делу, в частности:

- Показаниями анонимного свидетеля («Акулов»), которому 8 февраля 2005 года заявитель предположительно признался в совершении убийства. Во время слушания дела «Акулов» находился в отдельной комнате, а стороны задавали ему вопросы через судебного пристава. Ответы свидетеля заслушивались с помощью радиосвязи с использованием акустического экрана.

- Показаниями свидетеля М., который в ночь с 22 на 23 марта 2005 года был задержан и находился вместе с заявителем в РОВД города Ижевска. Ему заявитель предположительно рассказал о совершенном им убийстве сотрудника полиции.

- Показаниями свидетеля С. Он заявил, что: (i) С 2003 года работал вместе с заявителем в качестве маляра и оформителя; (ii) 7 февраля 2005 года до 22:00 они вместе с заявителем распивали алкогольные напитки, после чего оба разошлись по домам; (iii) На следующий день в 08:00 он зашел за заявителем и вместе с ним отправился на работу; (iv) Об убийстве гражданина Г. он узнал 8 февраля 2005 года вечером от некоего гражданина М., а затем - от сотрудников полиции;

(v) С января 2005 года заявитель ходил с гипсом на правой руке, что не мешало однако ему работать; (vi) У заявителя был складной нож, который он потерял в январе 2005 года; (vii) У заявителя было прозвище «Гуня».

- Показаниями свидетеля Ц. - коллеги и соседа заявителя. Он заявил, что: (i) 7 февраля 2005 года до 22:00 распивал алкогольные напитки в компании заявителя и С. Затем он ушел домой, а заявитель и С. остались; (ii) Об убийстве он узнал 8 февраля 2005 от полиции; (iii) Ему стало известно, что в убийстве подозревают заявителя.

- Показаниями других свидетелей, не заинтересованных в исходе дела.

- Письменными показаниями самого заявителя от 22 марта 2005 года на имя прокурора Устиновского района, в которых он подробно описал обстоятельства совершения убийства.

- Протоколом задержания заявителя, в котором заявитель написал, что согласен с задержанием в связи с совершением им убийства.

- Заключением судебно-биологической экспертизы, которая не исключила, что следы крови на пальто заявителя могли принадлежать убитому. Выводы судебно-биологической экспертизы подтверждаются протоколом осмотра места преступления и заключением судебно-медицинской экспертизы тела убитого.

- Заключением судебно-химической экспертизы волокон, найденных на месте преступления. Экспертиза не исключила, что волокна могли принадлежать пальто, в которое был одет заявитель во время убийства.

- Заключением судебно-медицинской экспертизы, которая пришла к выводу, что наложенный на правую руку заявителя гипс не мешал ему совершать ею контролируемые активные движения.

- Заключением судебно-психиатрической экспертизы заявителя.

22. Суд отклонил доводы заявителя о дачи им признательных показаний в результате жестокого обращения. При этом суд сослался на показания сотрудников полиции и заключение экспертизы № 2672, по результатам которой телесных повреждений на теле заявителя обнаружено не было.

23. Заявитель обжаловал этот приговор. В апелляционной жалобе он в том числе указал на недопустимость использования признательных показаний в качестве доказательства в связи с тем, что данные показания были даны им под принуждением в отсутствие адвоката.

24. Определением от 14 июня 2006 года Верховный Суд отказал в удовлетворении апелляционной жалобы. Верховный Суд согласился с решением суда первой инстанции о приемлемости написанного заявителем заявления о явке с повинной. Суд, в частности, указал на

отсутствие в законодательстве обязательного требования о присутствии адвоката в момент дачи признательных показаний.

25. 4 июля 2006 года заявителя для отбывания наказания перевели в исправительную колонию ИК-8 Республики Удмуртии.

26. 19 августа 2006 года заявителя с отеком голеностопного сустава, эрозией на коже и высокой температурой перевели в следственный изолятор ИЗ-16/2 города Казани.

27. 30 августа 2006 года заявителя перевели в хирургическое отделение ИЗ-16/2 для прохождения лечения.

28. 25 октября 2006 года заявителя перевели в ЛИУ-19 Республики Мордовии (лечебно-исправительное учреждение для оказания медицинской помощи осужденным, больным наркоманией, алкоголизмом, туберкулезом, а также инфицированным ВИЧ), где он до 21 ноября 2008 года проходил принудительное лечение от наркотической зависимости.

29. По словам заявителя, в данном учреждении был высокий процент ВИЧ-положительных заключенных. С некоторыми из них заявитель работал в швейном цеху. В связи с этим заявитель считает, что ему грозила серьезная опасность заражения через рабочие инструменты (например, ножницы или швейные иглы).

II. ПРИМЕНИМЫЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, ПРИМЕНИМЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Содержание под стражей ВИЧ-инфицированных заключенных

30. Применимые положения национального законодательства и международных документы изложены в постановлении по делу «Артемов против России» (см. постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 года по делу «Артемов против России» (*Artyomov v. Russia*), жалоба № 14146/02, §§ 89-91 и 96-100).

В. Права подозреваемых во время нахождения под стражей в полиции и явка с повинной в уголовном процессе

1. Применимое национальное законодательство и судебная практика

31. Применимые положения национального законодательства и судебной практики изложены в постановлении по делу «Турбылев против России» (см. постановление Европейского Суда от 6 октября

2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба № 4722/09, §§ 46-56).

2. Недавние изменения в национальной судебной практике

32. На основании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 года № 55 произошли следующие изменения.

33. Пункт 10 постановления гласит, что перед принятием в качестве доказательства заявления о явке с повинной, представленного стороной обвинения, суду первой инстанции надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления права не свидетельствовать против самого себя и пользоваться услугами адвоката; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав.

34. Если подсудимый изменяет ранее данные им показания или отказывается от них и объясняет это тем, что они были даны под принуждением, то судом первой инстанции должны быть приняты достаточные и эффективные меры по проверке такого заявления. При этом суду следует иметь в виду, что бремя опровержения доводов стороны защиты о том, что показания подсудимого были получены под принуждением, лежит на прокуроре (пункт 12).

35. При наличии оснований для доследственной проверки заявления подсудимого о жестоком обращении в ходе судебного разбирательства, суд направляет его в соответствующий следственный орган. Проведение такой доследственной проверки не освобождает суд от обязанности дать оценку материалам, представленным по ее результатам, и отразить свои выводы в приговоре (пункт 13).

36. Если в ходе судебного разбирательства заявления подсудимого о жестоком обращении не опровергнуты, то такие показания не могут быть использованы в доказывании (пункт 14).

В. Порядок возобновления производства по уголовному делу

37. Применимые положения национального законодательства о порядке возобновления производства по уголовному делу изложены в упоминавшемся выше постановлении по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), § 57.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

38. Заявитель жаловался на риск заражения ВИЧ в исправительном учреждении ЛИУ-19 Республики Мордовии, где он отбывал наказание в период с 25 октября 2006 года по 21 ноября 2008 года. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

39. Власти утверждали, что заявитель никогда не обращался в российские государственные органы власти (администрацию исправительного учреждения, прокуратуру, Аппарат уполномоченного по правам человека, суд) с жалобами на условия своего содержания под стражей в исправительном учреждении ЛИУ-19 Республики Мордовии. Соответственно он не дал властям возможность проверить данные жалобы и при необходимости предложить ему возмещение вреда. Поэтому власти считают, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, а его жалоба должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции. Кроме того, власти утверждали, что ВИЧ-положительные заключенные отбывали сроки наказания в исправительном учреждении ЛИУ-19 в тех же условиях, то и другие заключенные. Заключенным, в том числе ВИЧ-положительным заключенным, работавшим в швейном цеху выдавали персональные швейные машинки. В помещениях ЛИУ-19 ежедневно проводилась уборка с применением дезинфицирующих средств, а также дважды в день на протяжении одного часа проводилась обработка кварцевыми лампами, в целях предотвращения распространения ВИЧ-инфекции. Администрация учреждения регулярно консультировала заключенных по вопросам рискованного поведения, о способах передачи ВИЧ-инфекции и личной гигиене. Все ВИЧ-отрицательные заключенные (включая заявителя во время его нахождения в данном учреждении) дважды в год сдавали анализы на ВИЧ-инфекцию. Случаев заражения ВИЧ-инфекцией в ЛИУ-19 зафиксировано не было. Заявитель во время своего нахождения в ЛИУ-19 ВИЧ не заразился. Власти сочли жалобу явно необоснованной.

40. Заявитель не согласился с замечаниями властей. Он утверждал, что его работа в швейном цеху исправительного учреждения была сопряжена с высоким риском заражения ВИЧ. Швейные машинки были старыми, заключенные не всегда соблюдали правила безопасности и иногда получали телесные повреждения. Первую помощь оказывали сами заключенные. Кроме того, заявитель

утверждал об отсутствии каких-либо мер со стороны администрации исправительного учреждения для предотвращения распространения ВИЧ. Уборка, по его словам, проводилась редко и некачественно. Консультации для заявителей были лишь формальностью.

Приемлемость жалобы

41. Европейский Суд отмечает, что в ряде ранее рассмотренных дел относительно условий содержания осужденных под стражей в России он уже рассматривал и отклонял возражения властей о предполагаемом неисчерпании заявителями внутригосударственных средств правовой защиты. В указанных делах Европейский Суд указывал на неспособность властей доказать практическую эффективность обращения заявителей с жалобами во внутригосударственные органы власти (см. постановление Европейского Суда от 28 ноября 2013 года по делу «Сергей Бабушкин против России» (*Sergey Babushkin v. Russia*), жалоба № 5993/08, §§ 41-45; и постановление Европейского Суда от 23 октября 2014 года по делу «Мела против России» (*Mela v. Russia*), жалоба № 34044/08, §§ 37-42). В настоящем деле властями не было представлено никаких фактов или доводов, которые бы убедили Европейский Суд сделать иные выводы. Поэтому Европейский Суд отклоняет довод властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы заявителя на условия содержания под стражей в исправительном учреждении ЛИУ-19 Республики Мордовии.

42. Европейский Суд неоднократно постановлял, что для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня жестокости. Оценка указанного минимального уровня относительна. Она зависит от всех обстоятельств дела, таких как длительность обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. постановление Большой Палаты по делу «Таракхель против Швейцарии» (*Tarakhel v. Switzerland*), жалоба № 29217/12, § 94, ECHR 2014 (извлечения)).

43. Европейский Суд также напоминает, что согласно действующим международным стандартам отдельное содержание, изоляция и ограничения в работе и отдыхе считаются излишними в случае с ВИЧ-инфицированными лицами в обществе или в местах заключения (см. постановление Европейского Суда по делу «Энхорн против Швеции» (*Enhorn v. Sweden*), жалоба № 56529/00, пункт 55, ECHR 2005-I). Во время содержания под стражей такие лица не должны содержаться отдельно от остальных обитателей тюрьмы за исключением случаев строгой необходимости по медицинским или иным показаниям. ВИЧ-инфицированным заключенным должна

оказываться вся необходимая медицинская помощь с учетом требований сохранения конфиденциальности. Национальные органы власти должны консультировать всех заключенных по вопросам рискованного поведения и способов передачи ВИЧ-инфекции (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Артемов против России» (*Artyomov v. Russia*), пункт 188; постановление Европейского Суда от 31 июля 2008 года по делу «Салманов против России» (*Salmanov v. Russia*), жалоба № 3522/04, пункт 49).

44. Что касается обстоятельств настоящего дела, то Европейский Суд отмечает содержание ВИЧ-положительных заключенных в исправительном учреждении ЛИУ-19 в одинаковых для всех заключенных условиях. Каждый день они пользовались теми же бытовыми удобствами, что и другие заключенные, а некоторых из них работали в швейном цеху исправительного учреждения. Опасения заявителя были преимущественно вызваны его работой в швейном цеху, где, по его мнению, риск заражения через рабочие инструменты (например, ножницы или швейные иглы) был особенно высоким.

45. Европейский Суд обращает внимание, что заявитель не оспаривал факт предоставления каждому заключенному персональной швейной машинки в исправительном учреждении ЛИУ-19. Благодаря этому риск заражения ВИЧ-инфекцией во время работы если и не исключался полностью, но был сведен к минимуму. Далее Европейский Суд обращает внимание, что помимо ежедневной дезинфекции помещений, администрация исправительного учреждения оказывала консультации по вопросам рискованного поведения, способов передачи ВИЧ-инфекции, личной гигиены заключенных; организовывала два раза в год сдачу анализов для всех ВИЧ-отрицательных заключенных. Заявитель раскритиковал качество предоставляемых администрацией исправительного учреждения ЛИУ-19 консультаций и предполагаемую и нерегулярную уборку помещений. Но при этом материалы дела не содержат упоминаний о случаях заражения ВИЧ-инфекцией в ЛИУ-19. Сам заявитель во время содержания под стражей в ЛИУ-19 заражен не был. Из этого следует, что принимаемых администрацией ЛИУ-19 мер достаточно для защиты заключенных от риска заражения ВИЧ-инфекцией. В данных обстоятельствах Европейский Суд полагает, что власти обеспечили охрану здоровья заявителя (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Артемов против России» (*Artyomov v. Russia*), пункт 190; упоминавшееся выше постановление по делу «Салманов против России» (*Salmanov v. Russia*), пункт 53; решение Европейского Суда по вопросу приемлемости от 2 марта 2006 года по делу «Коробов и другие против России» (*Korobov and Others v. Russia*, жалоба № 67086/01).

46. Поэтому Европейский Суд полагает, что данная часть жалобы заявителя не свидетельствует о нарушении статьи 3 Конвенции. Следовательно, данная часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

47. Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции в связи с несправедливостью производства по его уголовному делу в связи с тем, что приговор был основан на признательных показаниях, данных им 22 марта 2005 года под принуждением, а также в связи с непредоставлением ему адвоката. Европейский Суд рассмотрит данную часть жалобы в свете пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6, которые в соответствующих частях гласят следующее:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела ... судом ...

3. Всякий обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права: ...

(с) защищать себя... через посредство выбранного им самим защитника...».

48. Власти утверждали, что 22 марта 2005 года заявитель добровольно признался в совершении убийства. На момент написания заявителем заявления о явке с повинной у него не было адвоката по причине отсутствия такого требования в российском законодательстве. Заявитель был задержан в качестве подозреваемого на основании признательных показаний (при этом был составлен соответствующий протокол), после чего ему были разъяснены его права и был предоставлен бесплатный адвокат. Все последующие следственные мероприятия в отношении заявителя как подозреваемого и обвиняемого проводились сначала при участии бесплатного адвоката, а затем - с участием частного адвоката. Власти обратили внимание на отсутствие каких-либо доказательств принуждения заявителя полицией к даче признательных показаний. В связи с этим они сослались на выводы судебно-медицинской экспертизы от 23 марта 2005 года (по итогам которой на теле заявителя не было обнаружено каких-либо телесных повреждений), а также на факт необжалования заявителем постановления от 27 мая 2005 года об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению о жестоком обращении. Власти также отметили, что заявитель оспаривал приемлемость признательных показаний во время судебного разбирательства и российские суды признали его жалобу необоснованной и отказали в ее удовлетворении. С учетом изложенного выше власти полагают, что нарушения права заявителя на защиту или его права на справедливое

судебное разбирательство, гарантированных пунктом 1 и подпунктом «с» пункта 3 Конвенции, допущено не было.

49. Заявитель утверждал, что 22 марта 2005 года в 18:00 был задержан на улице сотрудниками полиции по подозрению в совершении убийства и доставлен против своей воли в РОВД. Никаких других доказательств наличия иных оснований для доставления заявителя в РОВД властями представлено не было. Поэтому у заявителя было право с 18:00 22 марта 2005 года пользоваться юридической помощью. Однако сотрудники полиции оказали на него давление и принудили его дать признательные показания в отсутствие какой-либо юридической консультации. Поэтому признательные показания представляют собой переформулированный протокол его допроса в качестве обвиняемого. Сразу после предоставления бесплатного адвоката заявитель отказался от признательных показаний и обратился с жалобой на принуждение со стороны сотрудников полиции. Внутригосударственные органы власти не провели полноценного расследования по его жалобам. В данных обстоятельствах судебное производство в отношении заявителя было несправедливым в связи с использованием признательных показаний в качестве основания для осуждения, тем более что других заслуживающих доверия доказательств его причастности к убийству не было.

А. Приемлемость жалобы

50. Европейский Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также указывает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Был ли заявителю необоснованно ограничен доступ к адвокату

51. Общие принципы возникновения «уголовного обвинения», права на юридическую помощь, права на разъяснение прав пользоваться юридической помощью и не свидетельствовать против себя, отказ от права на юридическую помощь, временное ограничение на доступ к адвокату при наличии «веских оснований», последствия допущенных на досудебном этапе процессуальных нарушений для справедливости всего производства изложены в постановлении Европейского Суда по делу «Симеоновы против Болгарии» (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу

«Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Bulgaria*), жалоба № 21980/04, §§ 110-19, ECHR 2017 (извлечения)).

52. Что касается обстоятельств настоящего дела, то Европейский Суд отмечает, что 22 марта 2005 года в 18:00 заявитель был задержан и доставлен в РОВД. Из обстоятельств дела следует (и данный факт не оспаривается властями), что 22 марта 2005 года в 21:50 - на момент дачи признательных показаний - заявитель находился под стражей в полиции только на основании подозрений в совершении им убийства. Официально заявитель был признан обвиняемым по уголовному делу 23 марта 2005 года в 00:05 во время составления протокола задержания.

53. Европейский Суд напоминает, что согласно Конвенции, лицо признается подозреваемым, в отношении которого начинают действовать гарантии статьи 6, в том числе гарантии соблюдения права на юридическую помощь, не в момент его официального признания таковым, а с момента предъявления власти убедительных оснований для возникновения у них подозрений в его причастности к уголовному преступлению (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Russia*), §§ 110-11). Поэтому сотрудники полиции должны были соблюсти права заявителя как обвиняемого, в том числе его право на адвоката, с момента фактического задержания.

54. При этом Европейский Суд отмечает, что заявителю была предоставлена возможность воспользоваться юридической помощью только после подписания им заявления о явке с повинной и признания заявителя подозреваемым по уголовному делу. За исключением соблюдения национального законодательства, не требующего присутствия адвоката в момент дачи признательных показаний, никаких других оправданий для непредоставления заявителю доступа к адвокату на протяжении нескольких часов с момента задержания до составления протокола задержания российским судом указано не было (см. выше пункт 24).

55. Даже если заявителю перед дачей признательных показаний действительно было разъяснено конституционное право не свидетельствовать против себя (см. выше пункт 9), в указанных выше обстоятельствах и с учетом неразъяснения заявителю права на юридическую помощь с момента его фактического задержания нельзя признать, что заявитель в установленном порядке отказался от права на юридическую помощь.

56. С учетом изложенного выше Европейский Суд приходит к выводу, для заявителя без каких-либо «веских оснований» ограничили доступ к адвокату с момента его фактического задержания. Поэтому Суд переходит к рассмотрению последствий допущенных

процессуальных нарушений на общую справедливость судебного разбирательства.

2. Было ли судебное разбирательство в целом справедливым

57. В случае отсутствия веских основания для ограничения доступа к адвокату Европейский Суд должен с особой тщательностью подойти к оценке общей справедливости судебного разбирательства. При оценке справедливости судебного разбирательства большую роль играет неспособность государства-ответчика привести убедительные доводы. В этом случае может быть сделан вывод о нарушении пункта и подпункта «с» пункта 3 статьи 6. Бремя убедительного доказывания, что в порядке исключения и в особых обстоятельствах дела ограничение доступа к юридической помощи не привело к непоправимым последствиями для общей справедливости судебного разбирательства, лежит на государстве (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08 и 3 другие жалобы, § 265, ECHR 2016).

58. Соответствующие факторы, учитываемые при оценке последствий процессуальных нарушений, допущенных на стадии предварительного следствия, на общую справедливость судебного разбирательства изложены в постановлении по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), § 274) и повторно процитированы в постановлении по делу «Симеоновы против Болгарии» (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Симеоновы против Болгарии» (*Simeonovi v. Russia*), § 120).

59. Европейский Суд отмечает, что право заявителя на юридическую помощь с момента его фактического задержания было неоправданно ограничено. При этом заявитель признался в совершении убийства и написал соответствующее заявление о явке с повинной.

60. Далее Суд отмечает, что заявитель обратился с заявлением о предоставлении доступа к адвокату сразу после составления протокола задержания и разъяснения ему его прав в качестве подозреваемого по уголовному делу, в том числе права на юридическую помощь. После удовлетворения заявления и предоставления бесплатного адвоката заявитель отказался от признательных показаний. Впоследствии в судах первой и апелляционной инстанции заявитель оспаривал приемлемость признательных показаний, утверждая, что они были даны им под принуждением со стороны полиции и в отсутствие адвоката (см. выше пункты 11, 12, 20 и 23).

61. При этом Европейский Суд отмечает, что российские суды отклонили соответствующие доводы заявителя преимущественно по причине отсутствия в российском законодательстве требования об обязательном предоставлении адвоката при даче признательных показаний (см. выше пункт 24). Такое формальное соблюдение национального законодательства ограничило или даже вовсе лишило заявителя возможности на практике оспаривать использование признательных показаний, данных им в отсутствие адвоката (см. упоминавшееся выше постановление «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), § 95; и постановление Европейского Суда от 10 ноября 2016 года по делу «Чайковский против Украины» (*Chaykovskiy v. Ukraine*), жалобы №№ 48016/06 и 7817/07, § 81).

62. Далее Европейский Суд отмечает, что утверждения заявителя о недобровольном характере признательных показаний, данных в результате жестокого обращения со стороны полиции, были отклонены как необоснованные по причине отсутствия на теле заявителя телесных повреждений во время рассматриваемых событий (см. выше пункты 12, 17 и 22). Даже если во время дачи признательных показаний на заявителя не оказывалось никакого давления, нахождения на протяжении нескольких часов в полиции в отсутствие юридической помощи и в отсутствие протокола задержания однозначно представляло собой принуждение.

63. В заключение Европейский Суд отмечает, что, по мнению заявителя, использование российским судом признательных показаний в качестве основания для вынесения приговора при отсутствии других прямых доказательств его причастности к убийству, стало причиной несправедливого судебного разбирательства (см. выше пункт 21). Европейский Суд отмечает, что национальные следственные органы действительно взяли признательные показания заявителя за основу своих расследований и сконцентрировались на поиске подтверждающих эти показания доказательств. Поэтому Европейский Суд приходит к выводу, что признательные показания заявителя, с учетом их решающей для обвинения роли, могут рассматриваться как неотъемлемая и существенная часть доказательной базы осуждения (см. для сравнения упоминавшееся выше постановление по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), § 309); и постановление Европейского Суда от 16 февраля 2017 года по делу «Артур Пархоменко против Украины» (*Artur Parkhomenko v. Ukraine*), жалоба № 40464/05, § 87).

64. Европейский Суд помнит о наличии других соответствующих факторов, учитываемых при оценке общей справедливости судебного разбирательства по делу заявителя. Он, в частности, отмечает, что заявитель не находился в особо уязвимом положении, что доказательства по делу оценивались профессиональными судьями, что

общественность была крайне заинтересована в привлечении к ответственности лиц, виновных в инкриминируемом заявителю преступлении. Но даже с учетом всех других рассмотренных Европейским Судом факторов (см. выше пункты с 59 по 63), они не могут убедить Суд в справедливости судебного разбирательства.

65. С учетом изложенного выше и неспособности властей убедительным образом доказать, что отсутствие у заявителя доступа к адвокату с момента фактического задержания не привело к непоправимым последствиям для общей справедливости судебного разбирательства, Европейский Суд приходит к выводу о допущенном в настоящем деле нарушении пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.

III. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

66. Заявитель также жаловался на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением, которому он предположительно подвергался после задержания, в ходе предварительного разбирательства и во время нахождения в исправительном учреждении ЛИУ-19; в связи с предполагаемым неоказанием ему медицинской помощи; предположительно ненужным лечением от наркотической зависимости; условиями его содержания под стражей в РОВД; условиями его содержания под стражей в исправительном учреждении ЛИУ-19 вместе с больными туберкулезом заключенными. В заключение заявитель жаловался на нарушение статьи 6 в связи с предполагаемой неприемлемостью доказательств, использованных российским судом для вынесения ему приговора, а также на нарушение статьи 13 Конвенции в связи с отсутствием эффективных средств правовой защиты в отношении предполагаемых жалоб.

67. Рассмотрев данные жалобы в свете всех имеющихся в его распоряжении материалов, и в той мере, в которой вопросы, поднимаемые в жалобе, находятся в его компетенции, Европейский Суд считает, что они не свидетельствуют о нарушении прав и свобод, закрепленных в Конвенции.

68. Следовательно, эта часть жалобы должна быть признана неприемлемой как явно необоснованная в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

69. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

70. Заявитель требовал выплаты 75 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

71. Власти считают, что в случае признания Европейским Судом нарушения Конвенции, соответствующее постановление Суда само по себе будет справедливой компенсацией любого морального вреда, причиненного заявителю.

72. Европейский Суд считает целесообразным присудить заявителю 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

В. Расходы и издержки

73. Заявитель также требовал выплаты 1 360 евро в качестве возмещения расходов на представительство его интересов в Европейском Суде.

74. Власти сочли данное требование чрезмерным и просили Европейский Суд отказать в его удовлетворении.

75. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле с учетом документов, имеющихся в его распоряжении, а также вышеуказанных критериев, учитывая тот факт, что заявителю была предоставлена бесплатная правовая помощь, за которую его представителю уже было выплачено 850 евро, Европейский Суд считает целесообразным присудить сумму в размере 510 евро за производство в Суде, которая подлежит выплате непосредственно на банковский счет представителя заявителя, включая любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

В. Процентная ставка при просрочке платежа

76. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *Признал* жалобу на нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с использованием признательных показаний, данных заявителей в отсутствие адвоката, приемлемой, остальные части жалобы неприемлемыми.
2. *Постановил*, что было допущено нарушение пункта 1 и подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции.
3. *постановил*,
 - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 4 000 (четыре тысячи) евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма,
 - (ii) 510 (пятьсот десять) евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек заявителя плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма, выплачиваемая на банковский счет представителя заявителя.
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанных сумм выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта.
4. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 17 июля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь Секции

Хелена Йедерблом
Председатель